

ФЁДОР КНОРРЕ

КАШЯТАН
КРОКУС

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Федор Кнорре
Капитан Крокус

Издательство «Детская литература»

1981

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Кнорре Ф. Ф.

Капитан Крокус / Ф. Ф. Кнорре — Издательство «Детская литература», 1981

ISBN 978-5-08-005607-9

Повесть-сказка о храбром дрессировщике львов Капитане Крокусе, неунывающем клоуне Коко, льве Нероне, поросёнке Персике и ребятах, не желающих лишаться детства. Они готовы в неравной борьбе защищать своих друзей-животных от жестоких и жадных людей, захвативших власть в городе и запретивших весёлый смех и старые сказки, а всех «живых» зверей и несогласных с новыми порядками граждан превращающих в унылые заводные автоматы. Для дошкольного возраста.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-08-005607-9

© Кнорре Ф. Ф., 1981
© Издательство «Детская литература», 1981

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фёдор Фёдорович Кнорре

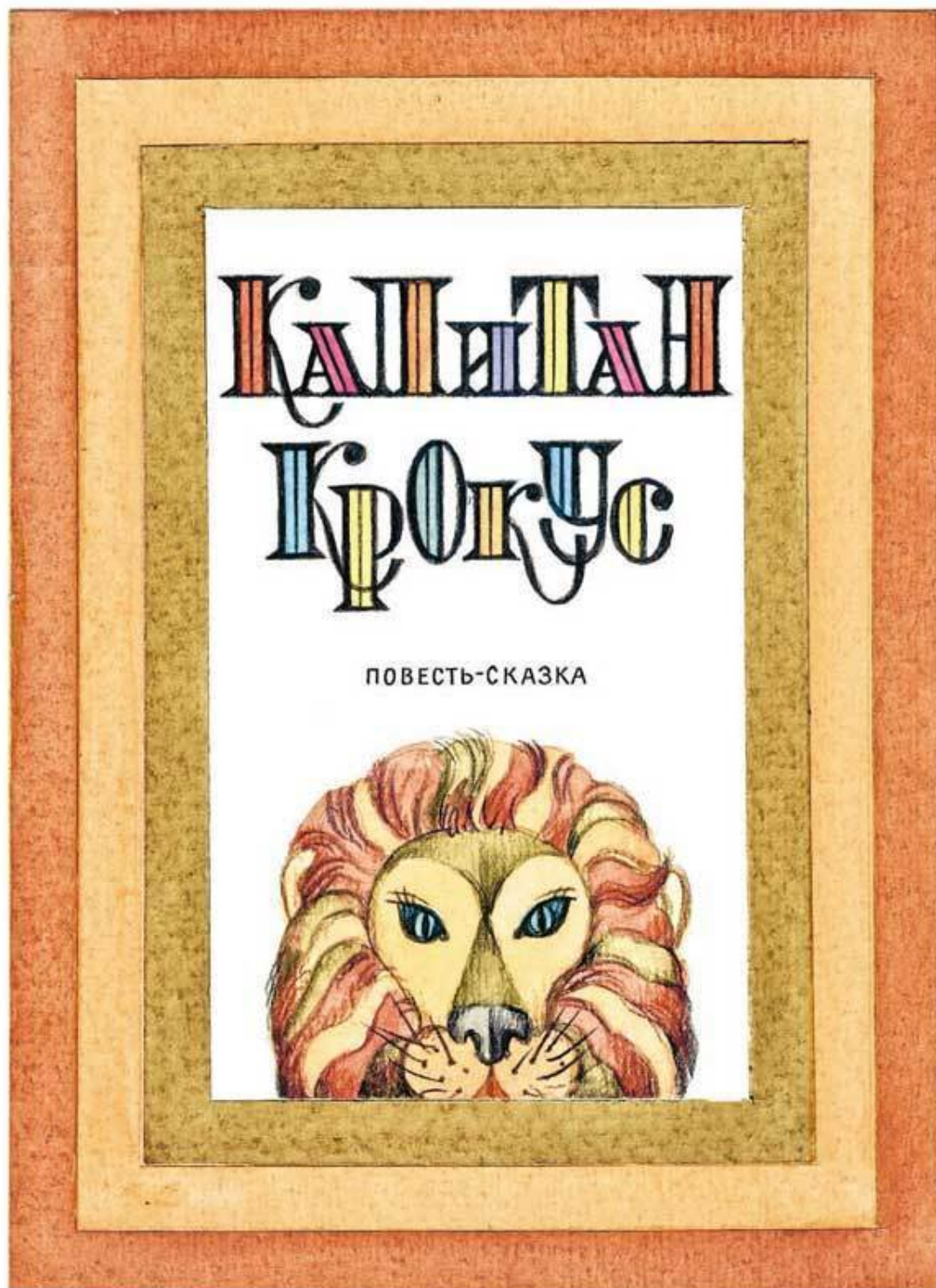
Капитан Крокус

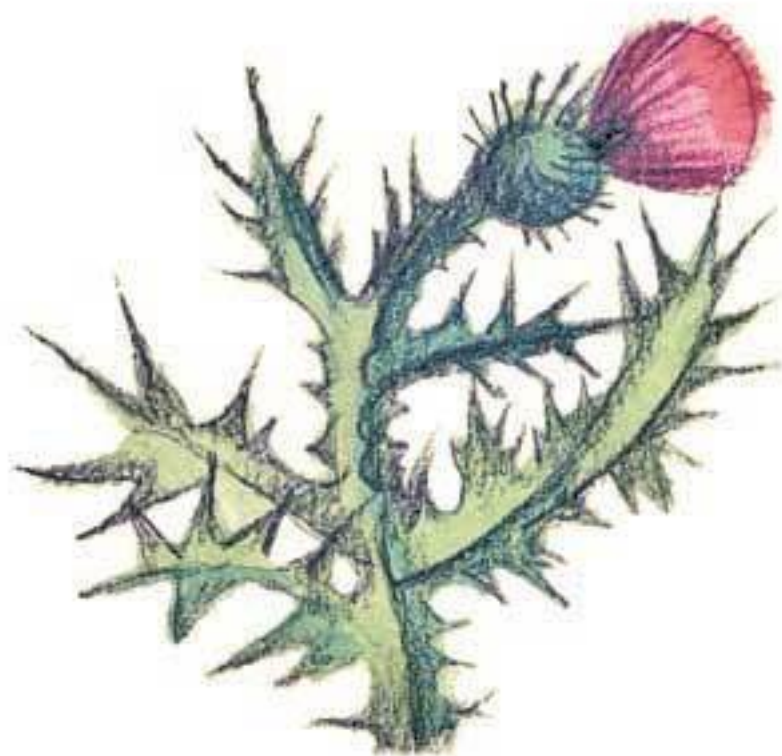
© Кнорре Ф. Ф., наследники, 1981

© Винокур В. А., иллюстрации, 1981

© Оформление. АО «Издательство „Детская литература“», 2016

* * *

Глава 1 Невинная мечта поросёнка

Представление было в разгаре. Сияние люстр и плавная музыка лились из-под купола цирка на круглую арену, обведённую малиновым барьером.

Усатый дирижёр в блестящем полуадмиральском мундире, встряхивая серебряной вермишелью эполет, нежно и грациозно взмахивал палочкой. Упитанные лошадки, подстрижен-

ные ёжиком, протанцевали вальс, и маленькие розовые человечки один за другим пошли взлетать с подкидных досок и кувыркаться в воздухе, а при последних тактах целой оравой вскарабкались на широко расставленные руки громадного силача с арбузными мускулами. Всё время радостно улыбаясь, кланяясь и посылая в публику воздушные поцелуи, они облепили силача со всех сторон так, что тот стал похож на ствол дерева, усыпанного розовыми обезьянками какой-то очень весёлой и вежливой породы.

А в это время в проходе, по которому обычно выпускали на арену тигров, клоунов и жирафов, за задёрнутым бархатным занавесом кипела суматоха.

– Зонтики морским свинкам выдали? Собачки осёдланы? – в волнении кричал толстый человек, бегая взад и вперёд по коридору, пыхтя и всплёскивая руками. – Боже мой, сию минуту надо выходить к публике, а эти легкомысленные мартышки бегают до сих пор без штанов, в одних галстуках!.. Да где же, наконец, феска и халат для поросёнка? Уморить меня сегодня решили, что ли?

На толстяке были необъятно широкие клетчатые штаны. Клетки на них были такие крупные, что, будь они не нарисованные, а настоящие птичьи клетки, в каждую можно было бы посадить по индюку. Щегольские лакированные ботинки при каждом шаге щёлкали длинными носами по земле, точно мухобойки, прихлопнувшие муху.

Нос у толстого человека был похож на помидор, а рот правильным полукругом растянулся в весёлой улыбке от одного уха до другого, что придавало лицу очень приветливый и жизнерадостный, хотя и несколько простодушный вид.

Это был знаменитый укротитель нехищных зверей клоун Коко, загримированный и одетый, готовый для выхода к публике.

Оркестр начинал играть галоп, два служителя хватались за края раздвижного занавеса и разбегались в разные стороны, открывая проход.

Коко радостно хохотал и, щёлкая своими мухобойками, вприпрыжку выбегал на арену, грациозно раскланиваясь направо и налево.

Публика обрадованно галдела и хлопала. Коко повелительно щёлкал длинным бичом на арену выскакивала маленькая лошадёнка, величиной с кошку, и с развевающейся гривой неслась по кругу. Крошечный наездник в красном фраке пританцовывал у неё на спине, становился на руки и прыгал сквозь обручи, затянутые бумагой, как вдруг лошадка остановилась как вкопанная и отряхивалась, точно собака, выскочившая из воды. Наездник шлёпался на песок, и маленькая лошадка, ухватив его зубами за штаны, тащила и отдавала в руки Коко, который их обоих угощал сахаром, причём обнаруживалось, что лошадка на самом деле собачонка, а наездник – мартышка. Их обоим служитель совал себе под мышку и уносил под хохот зрителей.

Затем служители выносили и ставили посреди арены хижину с соломенной крышей и розовыми занавесочками на окошечках.

Приглушенный было свет начинал прибывать под звуки оркестра, исполнявшего музыкальную картинку «Рассвет». Из прожектора начинал сиять солнечный луч, наступало утро, и в одном из окошечек появлялся Коко. Раздвинув занавеску, он зевал и сладко потягивался, ясно показывая, что он только что встал ото сна.

В соседнем окошечке тоже приоткрывалась занавеска, из-за неё выглядывала поросычья морда и тоже зевала.

Коко в красной феске и парчовом халате выходил на крылечко своей хижины и, наклонившись над цветочком, с наслаждением нюхал его, громко причмокивая, показывая, до чего он восхищён его ароматом.

Следом за ним, осторожно переступая на двух ножках, появлялся и поросёнок в точно таком же парчовом халате и красной феске. Он тоже с видимым удовольствием нюхал цветочек, причмокивал и тут же украдкой, за спиной Коко, его с аппетитом хряпал. Таким образом,

оба обитателя домика, Коко и его поросёнок, которого звали Персик, всем своим видом и поведением ясно показывали зрителю, что живут самой приятной жизнью, полной тихих радостей.

Потом клоун брал в руки скрипку и, вдохновенным жестом откинув со лба длинные волосы, которых у него почти не было, начинал наигрывать песенку «Мечта поросёнка», а поросёнок в своём долгополом шлафроке, встряхивая кисточкой фески, довольно музыкально (по крайней мере, для поросёнка) начинал напевать:

Хочу быть пастушком
С пастушеским рожком!..

Никто не мог понять, как это у них получалось, но всем очень нравилось и пение поросёнка, и то, что мечта у него такая неприхотливая и простодушная. Во всяком случае, после того как поросёнок, допев свой куплет, начинал дудеть в рожок, висевший у него на шее, и маршировать вокруг своего хозяина, надувая от натуги своё розовое брюшко и почти в такт переступая задними копытцами, публика вопила от удовольствия «браво!» во все свои пять тысяч голосов, из которых по крайней мере три тысячи были детские голоса.

Клоун Коко надевал шляпу, брал в руки корзинку и, пояснив жестами, что отправляется на базар за провизией, весело напевая, уходил, трогательно попрощавшись с поросёнком.

Едва он успевал скрыться в боковом проходе, как в оркестре возникали зловещие свисты и завывания, обычно предупреждающие зрителей, что сейчас начнут происходить какие-нибудь неприятности.

И действительно, на арене появлялась мрачная личность необыкновенно высокого роста, в долгополом, наглухо застёгнутом пальто и чёрных очках. Как-то странно шурша и извиваясь, точно она вовсе была лишена костей, она зигзагами всё ближе подбиралась к беспечному поросёнку, готовясь его схватить.

Чтобы ни у кого не оставалось сомнения, с какой целью она пытается завладеть поросёнком, мрачная личность вытаскивала из кармана громадный нож и вилку, тарелку и банку с горчицей и, плотоядно облизываясь, раскладывала всё это на салфетке.

Несчастный поросёнок, видя эти ужасные приготовления, весь трясся, забившись в угол у крыльца, и, когда злодей пытался его схватить, кидался прятаться в свой домик.

Зрители с волнением следили за погоней: поросёнок выскакивал через заднюю дверь, обегал вокруг домика и снова вскакивал через крыльцо, а преследователь, поддывая от злости, носился за ним, вытягивая длиннющие руки, и никак не мог его поймать.

Но тут на подмогу долговязому злодею являлось двое помощников настоящих разбойников, в чёрных очках и с толстыми суковатыми дубинками в руках. Они потихоньку подкрадывались и становились у обоих выходов, заранее подняв свои ужасные дубины над головой.

Загнанный, затравленный поросёнок сидел притаившись в домике. Долговязый злодей, потирая руки, неторопливо прокрадывался в дом и минуту спустя в бешенстве оттуда выскакивал. Поросёнок исчез!

Все трое бросались внутрь, перерывали весь дом, вышвыривали мебель, телевизор, большой тюфяк Коко и его большую подушку с одеялом и маленький тюфячок поросёнка с маленькой подушечкой и одеялом. Поросёнка нигде не было!

Весело напевая, возвращался с базара Коко, помахивая корзинкой, откуда торчали морковь и лук, и застыл в ужасе, увидев разгром. Прежде чем он успевал опомниться, разбойники накидывались на него сзади, прикручивали верёвкой к стулу, так что он не мог пошевелиться, и, угрожая дубинками, требовали, чтобы он указал, куда спрятался поросёнок.

Коко горделивой и презрительной мимикой показывал, что он не боится угроз и презирает злодеев. Взбешённые разбойники приносили чёрную круглую бомбу, клали её под стул, к которому был привязан беспомощный Коко, и, заранее ликуя, поджигали фитиль. После этого

они с трусостью, характерной для всех злодеев, отбежали в сторону и, повернувшись спиной и заткнув уши, ждали взрыва.

Совершенно неожиданно освещался экран вытасченного из домика телевизора, и на нём возникало смутное изображение поросёнка. Коко был удивлён и растроган: он грустно прощался с милым изображением, напоминающим ему о прежних счастливых днях. Но тут бумажный экран лопался, и сквозь него просовывалась хитрая морда поросёнка. Он боязливо осматривался и выпрыгивал из ящика телевизора, куда ловко спрятался во время разгрома.

Сразу оценив угрожающую другу опасность, поросёнок смело хватал зубами бомбу и мчался с ней к злодеям, ожидавшим взрыва. Мгновение – и бомба подложена под злодеев! Поросёнок опрометью мчится обратно! Ба-бах! Бомба с треском и дымом взрывается! Злодеи высоко подпрыгивают и падают плашмя на землю, дрыгая ногами и руками. Морально подавленные неожиданным взрывом, они понимают, что им ничего не остаётся, как убежать за занавес, выражая своё отчаяние прыжками и визгливыми воплями.

Только один долговязый злодей вне себя от злобы, корчась от ненависти, зловеще шурша и даже как-то весь перекосившись набок, ещё пытается схватить поросёнка. Но тут Коко, ловко освободившись от верёвок, подхватывает громадную спринцовку, и сильная струя воды ударяет прямо в нос злодею!

Тот бросается бежать, громко шурша, скрежеща зубами от бессильной злобы и извиваясь, точно его качает на сильном ветру.

Зрители в восторге: они уже догадались, что в этой борьбе самое главное – суметь облить врага водой, потому что желтоволосый тощий злодей просто трясётся от одного вида спринцовки.

Следом за злодеем, бегающим по кругу, с отчаянной смелостью кидается поросёнок! Он настигает своего мучителя и вырывает у него из-под долгополого пальто... клок соломы! Под несмолкаемый хохот зрителей поросёнок мчится за негодеем, стараясь отхватить побольше соломки из его туловища; победоносно хрюкает, солома клочьями летит во все стороны; поросёнок трясёт головой, отплёвывается и снова норовит оттяпать соломки!..

Всё кончалось тем, что укрощенное соломенное Чучелище под угрозой спринцовки послушно отплясывало, по-бабьи помахивая над головой платочком, время от времени злобно огрызаясь и скрежеща соломенными зубами, так что ребятишки в публике помирали от хохота.

А после того как посрамлённый, поникший и раскисший злодей понуро удалялся, Коко снова брался за скрипку, а поросёнок в восторге вскакивал на дыбки, маршировал и дудел в рожок мотив песенки своей скромной мечты...

Так повторялось из вечера в вечер, на каждом представлении...

Но вот однажды, когда тысяча четыреста девяносто пять мальчиков и тысяча пятьсот пять девочек, шаркая ногами, толпились в проходах, со смехом расходясь из цирка, за кулисами, в длинном коридоре, где расположены конюшни, ослятники, слоновники, зебрятники, тигровники и гиппопотамники – словом, стойла для всех цирковых животных, раздался отчаянный поросёный визг. Поросёнок Персик с разбегу влетел в уборную, где сидел, смывая с лица грим, клоун Коко, и, жалобно повизгивая, показал три капельки крови, выступившие на розовой гладкой коже в задней части туловища.

– Ах, бедняжка! – сокрушённо воскликнул Коко, сочувственно почесав поросёнку ушки. – Ну, я ему сейчас покажу!

Он схватил спринцовку и выскочил в коридор. Поросёнок, перестав хныкать, любопытно просунул нос в щёлку двери и стал подглядывать, что будет.

Коко догнал долговязое Чучелище в тот момент, когда оно пыталось спрятаться за угол загородки для слонов.

– Ну-ка, отвечай, дрянное ты Чучелище, – строго сказал Коко, – отвечай, зачем ты уколол вилкой бедного поросёнка? Что он тебе сделал?

Глава 2

Пиратская бутылка капитана Крокуса

В самом центре города стояли небоскрёбы. До того высокие, что никто из жителей не знал в точности, сколько в них этажей.

Находились, правда, иной раз такие упрямые спорщики, что брались на пари сосчитать этажи по окнам. Они становились на противоположном тротуаре и начинали считать, всё выше и выше задирая голову и всё сильнее перегибаясь назад, до тех пор пока у них всё не начинало кружиться в голове. В конце концов они неизменно шлёпались навзничь и, стукнувшись затылком о землю, сбивались со счёта.

Зато уж на окраине города самым отчаянным спорщикам не из-за чего было держать пари: почти все дома там были одноэтажные или двухэтажные.

Там, где кончалась окраина, сразу же начинался Шлаковый пустырь, бесконечный и бесплодный, как пустыня Сахара. Только вместо оазисов там среди зарослей лопухов поблёскивали болотца, населённые голосистыми лягушками, а вместо верблюдов на кучах мусора паслись, фыркая друг на друга, горбатые кошки.

Вот по этой-то пустыне однажды вечером шёл, пробираясь к реке, маленький мальчик, прислушиваясь к вечернему пению лягушек и похрустыванию шлака у себя под ногами.

Размышляя о пустынях и верблюдах, пиратах и необитаемых островах, он незаметно добрался до цели своего путешествия и скоро увидел в сумерках трубу небольшого домика, потом его крышу и, только подойдя совсем близко, увидел весь домик целиком.

Это был не только маленький домик – это был ещё и приземистый домик. К тому же он был обнесён довольно высоким забором, из-за которого едва видна была крыша. Так что издали он очень был похож на человека, упрятавшего нос в высоко поднятый воротник пальто.

Добравшись до калитки, мальчик постучался условным стуком. Тотчас во дворе послышались тяжёлые шаги, и Капитан Крокус своим густым голосом сурово спросил:

– Кто там стучится в поздний час? Что за человек? И что ему тут нужно?

Мальчик тоненьким голоском пропищал:

– Стучится Малыш! Пришёл в гости!

Вероятно, Капитан сквозь щёлку в калитке уже разглядел, кто именно пришёл, но всё равно нужно было отвечать по всем правилам. Это был условный, тайный пароль. Таким образом, в случае чего, ни один посторонний не мог без предупреждения проникнуть в дом.

Калитка приотворилась, пропуская Малыша, и тотчас захлопнулась. Малыш и Капитан Крокус молча, как полагается мужчинам, крепко пожали друг другу руки.

Прежде чем пройти следом за Капитаном в дом, Малыш, как всегда, побежал и присел на корточки перед громадной собачьей будкой, в которой жила маленькая, очень застенчивая собачка Головастик.

– Здравствуй, славный уродик! – ласково сказал Малыш, заглядывая в темноту будки. – Как ты сегодня насчёт кусочка сахарку?

В будке послышалась возня, ведь Головастик был очень стеснительный и неуклюжий. Малыш засмеялся, почувствовав прикосновение толстой мягкой губы к руке. Головастик захрустел, разгрызая сахар, и дружелюбно засопел. На мгновение его большущий толстый нос мелькнул в отверстии, но тотчас же опять спрятался в глубине.

Вообще Головастик никогда не вылезал из будки при посторонних, только высовывал иногда самый кончик толстого жёлтого носа с большими чёрными ноздрями. Конечно, у него была причина так прятаться от людских взглядов. Уж урод так урод! Именно поэтому маль-

чики, приходившие в гости к Капитану, и прозвали его Головастиком, хотя сам Капитан звал его Нероном.

Мальчики жалели Головастика ещё бы: всякий, у кого при таком щедедушном теле оказался бы эдакий толстенный, тяжеленный носина, постеснялся бы высовывать его на свет!

Капитан уже пододвинул к камину большое кресло и покуривал, поджидая, пока Малыш закончит разговаривать с Головастиком.

– Хлебнём добрый глоток из старой пиратской бутылочки? предложил Капитан, когда Малыш уселся с ногами в кресло прямо против весело потрескивающего огня.

Малыш подмигнул, поёжился от удовольствия, и Капитан достал из корабельного шкафчика глиняную бутылку с изображением летящего на всех парусах корабля. Потом он открыл жестянку настоящих морских сухарей и наполнил стаканчики.

Прежде чем окунуть сухарь в напиток, Малыш тщательно оглядел его со всех сторон и слегка пососал. Ведь это был не какой-нибудь обыкновенный сухаришко, какие продаются в булочной. Этот суровый твёрдый сухарь, может быть, проплыл вокруг света. Такие сухари после кораблекрушения пересчитывали и делили поровну оставшиеся в живых матросы в спасательной шлюпке посреди необозримого океана!

– Настоящее пиратское! – залихватски крикнул Малыш, с наслаждением прихлёбывая сладкий напиток и макая в него сухарь. – Вот таким вы и подкреплялись в открытом море?.. А откуда вы брали малину?

– Для приготовления напитка?.. Ну-у, разными способами, задумчиво ответил Капитан, посасывая трубку. – Иной раз удавалось отбить королевский фрегат, гружённый малиной и пряниками. Тогда нам всего необходимого хватало надолго. А то можно было под прикрытием двенадцатифунтовых пушек высадить на берег десантный отряд...

– Вооружившись до зубов? – спросил Малыш, жмурясь от удовольствия и причмокивая.

– Правильно, до зубов, и никак не меньше. Иной раз можно было позволить себе вооружиться и полегче, но тут-то дело было нешуточное... Через ловких лазутчиков нужно было найти самый лучший малинник со спелой малиной и неожиданно окружить его со всех сторон! Главное было – ни на минуту не терять присутствия духа.

– А кто же потом собирал малину?

– Ну, тут уж нужно было действовать самим пиратам. Военная хитрость! Приходилось брать в руки корзинки, повязываться бабьими платочками и тонкими голосами распевать глупые песенки, чтобы не привлекать к себе внимания местных жителей...

– А то ведь они могли бы заподозрить неладное? – рассудительно заметил Малыш.

– Вот именно. А когда малина вся собрана...

– Вам надо было не забыть развязать хозяев малинника. Ведь вам же пришлось их связать?

– Кому ты подсказываешь? Ты что, думаешь, пираты своего дела не знали, что ли? Самым первым делом было развязать перепуганных хозяев, со смехом бросить им кошелёк, полный двойных золотых испанских дублонов, чтоб они могли себе купить пять таких же малинников... Ну и айда под прикрытием тех же пушек обратно на родной корабль!

– А они-то, чудачки, перепугались сначала! А после зато вот обрадовались!

Оба собеседника тихонько рассмеялись и подмигнули друг другу, точно это они сами только что так ловко обтяпали славное пиратское дельце с малиной и двойными дублонами.

Малыш принялся вымакивать сухарём уже второй стаканчик пиратского малинового сока, когда у калитки снова раздался стук.

– Кто там стучится в поздний час? Что за человек и что ему нужно? – спросил Капитан.

– Стучится Ломтик. Пришёл в гости! – ответил тонкий голосок. Ломтика впустили, и все трое обменялись молчаливым рукопожатием.

– Как дела, уродик? – сказал Ломтик, просовывая руку в маленькие воротца собачьей будки, чтоб погладить кончик носа собачки. – Тяжело тебе? Всё таскаешь на своих тонких лапках этот носище? Помнишь, в прошлый раз я хотел тебе принести большой ломоть пирога, да нечаянно съел его, как только вышел из дому. Зато сегодня я его почти до полдороги донёс. И только откусил совсем маленький кусочек. А знаешь, как идёт дальше дело, когда откусишь маленький кусочек?.. Вот то-то! Просто руку не успел отдёргнуть, смотрю – одни крошки остались. Ну уж в следующий раз лопну, а донесу. Ладно? Ты уж не обижайся.

Уладив дело с собакой, Ломтик побежал в дом, чтоб получить свою долю напитка с сухарём.

– А где мы вчера с Ломтищем были-и! – загадочно протянул Малыш. – Никогда не угадаете... А? В цирке! – и, вытащив из кармана цирковую афишку, подал её Капитану.

Ребята знали, что Капитан очень интересуется цирком, хотя сам туда никогда не ходит. Он был странноватый старик, и дети подозревали, что за всю жизнь ему так ни разу и не удалось побывать в цирке.

Задумчиво разглаживая на столе помятую афишку, Капитан, улыбаясь, с интересом слушал рассказ мальчиков.

Они рассказали ему всё, что было вчера, по порядку, с того момента, когда они садились в автобус, собираясь ехать в цирк, и заканчивая тем, что кому приснилось после представления. Капитан сочувственно таращил глаза и ахал, когда какому-нибудь артисту грозила опасность свалиться с проволоки или сорваться с трапеции, и посмеивался над проделками клоунов. Но больше всего ему понравился рассказ про клоуна Коко.

Малыш гудел и извивался, изображая Чучелище, а Ломтик тряс головой, отплёвывался от соломы и дудел, показывая, как маршировал поросёнок Персик.

Капитан вытирал слёзы от смеха и всё кивал головой, приговаривая:

– Ах, до чего же славный поросёнок!.. Наверное, он один из всех на свете поросят, когда вырос, не сделался свиньёй. Замечательный поросёнок!

Потом мальчики заметили, что Капитан как-то приумолк и приуныл. Ему, видно, взгрустнулось, и они догадывались почему.

– А вам бы самому хотелось, Капитан, когда-нибудь побывать в цирке? – сочувственно спросил Малыш.

Капитан ответил не сразу. Он подумал и неуверенно пробормотал:

– Иногда мне кажется, что я не прочь бы туда заглянуть... А иногда... – Капитан отошёл к окошку и, распахнув его настежь, облокотился на подоконник. – Когда вы мне так хорошо рассказываете про всё, что там увидели, я думаю, что мне уже не стоит идти туда самому...

Ребята подошли и тоже облокотились на подоконник рядом с Капитаном.

Под самыми окнами домика берег круто спускался вниз, к воде, и слышно было, как далеко внизу, у старых причалов с заброшенными ржавыми баржами, журчала река, окутанная вечерним туманом.

Несколько минут все молчали, глядя на проплывающие в тумане цветные огоньки кораблей, неторопливо пробиравшихся по реке к близкому выходу в море. Справа полыхало в темноте зарево большого города, а слева цепочкой убегали вдаль фонари автострады.

Корабельные сирены подвывали в тумане, а на пустыре, в маленьком болотце, лягушки из себя выходили, стараясь переквакать друг друга.

– И о чём это они всё квакают? – спросил Малыш.

Капитан, видно, уже приободрился, потому что усмехнулся и весело ответил:

– Сейчас у них всего только небольшой концерт. Вот – слышите? – притихли. Наверное, объявляют следующий номер. Одна лягушка отквакает весёлую песню про слякоть, дождик, лужи, грязь и туман, а все остальные хором будут приквакивать припев... А потом двое приезжих из соседней лужи станцуют модный танец кваковьяк, и все поскачут по домам спать. Да и нам пора тоже!

Глава 3

Как сделаться исторической личностью в кратчайший срок

Город этот считался одним из самых современных и автоматизированных городов в мире, и, понятное дело, его обитатели совершенно автоматически этим очень гордились.

В Тайном совете, управлявшем городом, долгое время шли разные полезные споры.

Например, одни считали, что время идёт слишком быстро и нужно принять меры, чтобы его, по возможности, задержать, а другие находили, что оно тянется слишком медленно и его надо подгонять.

Одни считали, что у них в городе всё уже совершенно достаточно автоматизировано и механизировано, другие настаивали на том, чтобы автоматизация продолжалась полным ходом до тех пор, пока всё на свете не будет автоматизировано, кроме них самих, конечно!

Эти и разные другие споры длились много лет. До тех самых пор, пока в городе не появилась Историческая Личность.

Город (как и многие другие) состоял из домов, дома состояли из этажей, а дома и этажи принадлежали владельцам. Чем большим количеством этажей владел человек, тем более уважаемым гражданином он считался.

Какая-нибудь жалкая старушка, владевшая всего-навсего одноэтажным домиком, занимала самое низкое положение в обществе и прямо так презрительно и называлась Этажеркой. Владелец десятиэтажного дома именовался Почтенным Десятником. А тот, у кого было сто или больше собственных этажей, получал звание Досточтимого, Достоэтажного члена Тайного совета многоэтажников.

Заседания Тайного совета, конечно, происходили всегда в самой глубокой тайне. Иначе ведь это не были бы тайные заседания!

У каждого Достоэтажного члена совета был свой секретный золотой жетончик с номером, вроде тех, что дают в обмен на пальто в гардеробах, только тайный и с секретными, очень сложными зубчиками.

Явившись на заседание, он проходил в Пусковую камеру, усаживался в своё кресло и, опустив жетончик в щёлку автомата, крепче вцеплялся в ручки кресла. Раздавалось лёгкое чмокание, кресло всасывалось в трубу и тотчас, со свистом пролетев двести сорок один этаж, оказывалось на крыше.

Тут его подхватывал реактивный вертолёт и, пронёсшись над городом, опускал посреди морского залива, где уже поджидала подводная лодка. Она ныряла вместе с креслом и, повернув обратно к берегу, входила под водой в туннель, находившийся прямо под Домом заседаний, и там высаживала кресло в лифт, который поднимался вверх. Слегка обалдевший заседатель, сам того не зная, оказывался в десяти шагах от того места, откуда начал путешествие, собственно говоря, попросту в соседней комнате, в Тайном зале. Всё это было, возможно, несколько сложно, но зато уж секретно, дальше ехать некуда!

Зал заседаний назывался Стёганым, потому что, хотя стены его были сложены из толстых броневых плит, изнутри он от пола до потолка весь был обит стёгаными подушками, матрасами и пуховиками, чтобы ни один секретный звук не мог проникнуть наружу.

Освещалась комната витыми восковыми свечами, и Секретный Секретарь вёл протокол, макая гусиное перо в четырёхлитровую серебряную чернильницу.

Только какой-нибудь чудаков мог бы удивиться, что тайные советники, среди которых было так много сторонников всеобщей повальной автоматизации, сами заседали в такой обстановке. Но дело в том, что господа тайные советники были убеждены, что автоматизация всей жизни

штука полезная, необходимая и даже благодетельная, но только для рядовых, безэтажных и малоэтажных жителей города.

И вот однажды Председатель совета многоэтажников, пробираясь по мягким пуховикам, как по сугробам снега, к своему председательскому креслу, с изумлением обнаружил, что кресло кем-то занято. Он осведомился у сидящего: кто позволил ему занять чужое место?

– Сам! – свирепо рявкнул человек в ответ.

Тогда председатель подошёл поближе и спокойным, величавым жестом взял незнакомца за шиворот, но тут же с пронзительным визгом отскочил и, шлёпнувшись среди пуховиков, долго, испуганно, непонимающе моргал, глядя на свирепого незнакомца.

Тогда человек, занявший его место, выпрямился во весь рост и произнёс, вернее, выпалил, выпустил, как пулёмётную очередь, речь.

В первые минуты она показалась многим грубоватой и нахальной, слегка бессмысленной и похожей на лай собаки со скверным характером.

– Я требую! – орал он, выпучив глазищи. – Немедленно и сейчас же автоматизировать! Добиться всеобщей механизации! Срочно! Всех до одного! поголовно и повально! Тут же! Быстро! Что? Кто не согласен?..

Тут его речь перестала быть похожей на лай и стала похожа скорее на злобный визг собаки, которая уже вцепилась кому-то в ногу. В конце концов он всё-таки выпустил изо рта ногу воображаемого противника и внятно пролаял:

– Кто не согласен – всех пустить на чучела! Выпотрошить! Набить опилками! Очучелить всех до одного! Не допущу! Автоматизировать всех!

И тут сторонники полной, и повальной, и поголовной автоматизации поняли, что получили мощную поддержку, и стали издавать приветственные крики, подскакивая на пуховиках. Особенно радостно подпрыгивал и издавал особенно восторженные крики один очень влиятельный член Тайного совета, носивший громкий титул Почётного Ростовщика Республики.

Для тех, кто не совсем ясно представляет себе, что может означать такой титул, поясним: ростовщик – это одна из худших разновидностей банкира, а что такое банкир, лучше всего определил долго живший среди банкиров писатель Марк Твен: «Это человек, одалживающий вам зонтик, когда ярко светит солнце, и отбирающий его в тот самый момент, когда начинается дождь».

С тех пор каждое заседание Тайного совета многоэтажников открывалось (и закрывалось) речью своего Председателя. Речь была всегда одна и та же (что, как известно, служит вернейшим признаком великого человека), и уже на десятом заседании все поняли, что перед ними Историческая Личность.

Люди, хоть немного знакомые с историей, знают, как один древний римлянин завоевал себе такое почётное звание. Когда соседи ему говорили: «Доброе утро!», он в ответ рявкал: «А Карфаген должен быть разрушен!» Обсуждался вопрос о починке городской мостовой или о строительстве новой бани, а он долбил своё: «А Карфаген должен быть разрушен!» Его просили не лезть без очереди за финиками или оливковым маслом, а он, не обращая ни на кого внимания, бубнил своё: «Карфаген...», и так далее. Наконец этим бедным римлянам, его согражданам, просто житья не стало – так он допёк всех своим Карфагеном. Чтоб положить этому конец, им не оставалось ничего, кроме как пойти и разрушить этот несчастный Карфаген.

Наверное, у них в Риме мостовые так и остались непочиненными, в банях не стало горячей воды, а Карфаген был очень красивым городом, куда, наверное, гораздо приятнее было бы ездить в гости или с туристской путёвкой, и среди жителей было много симпатичных ребят, но всё это для истории не играет никакой роли. Настырный римлянин, как известно, своей долбёжкой добился местечка в списке великих исторических личностей...

Члены совета многоэтажников, вероятно, хорошо знали римскую историю и, убедившись, что среди них завелась самая настоящая Историческая Личность, не хуже римской, присвоили ей звание Генерал-Кибернатора.

С этих пор все споры прекратились и вопросы на заседаниях стали решаться очень быстро. Секретный Секретарь только называл вопросы:

- Как следует поступить со школами? И Генерал-Кибернатор рычал:
- Автоматизировать!.. Механизировать!.. Всех!.. Срочно!
- Решено. Учителей?
- Автоматизировать!
- Записано. Зоопарк?..
- Автоматизировать! Очучелить! Всех на чучела!

Так началась эпоха окончательной автоматизации и повальной механизации в городе.

Для малолетних граждан создавались Курсы по скоростному переводу во взрослых полуавтоматизированных граждан, минуя устарелый, никому не нужный период детства со всеми его отжившими нелепостями: сказками, игрушками, цирковыми пантомимами, куклами и домашними зверьками.

Почётный Ростовщик Республики, ближайший советник Генерал-Кибернатора, получив грандиозный государственный заказ, построил мощный, полностью механизированный Комбинат по производству чучел и автоматических заменителей домашних животных. Начинался Новый Порядок!

Глава 4

Буратино полупотрошённый

Новый Порядок набирал силу. Из всех школ убрали живых учителей, и там стали преподавать специальные обучающие автоматы, до такой степени битком набитые научными программами, что их нередко приходилось стягивать всё новыми стальными обручами с заклёпками, чтобы они не лопнули от распиравших их знаний.

Обыкновенному мальчишке и думать нечего было пытаться заглянуть в шпаргалку или спрятаться под парту от такого учителя! Только детишки очень почтенных родителей из многоэтажников могли приобретать себе портативные шпаргальные аппаратики, которые легко было спрятать в ухе. Они стоили очень дорого, но их выпускала та же фирма, которая изготовляла и преподавателей, поэтому они без ошибки подсказывали точные ответы на любые вопросы обучателей. Да так быстро и ловко, что никто не успевал заметить, как все знания влетали ученику в одно ухо и тут же вылетали в другое... Вообще вся жизнь необыкновенно стройно автоматизировалась.

С каждым днём в зоопарке всё меньше оставалось устарелых, ныне запрещённых живых животных. Механические слоны, помахивая хоботами, вежливо кланялись, подхватывая хоботом и глотая капроновые булочки, которыми их кормили дети. Жирафы, вытягивая шеи, срывали и прожёвывали нейлоновые листья, прохаживаясь взад и вперёд под лёгкое жужжание моторчиков у них в животах, а автоматические мартышки качались на ветвях искусственных пальм, дёргая друг друга за резиновые хвосты.

Что касается нестандартных и нецелесообразных, негигиеничных домашних животных, то их забирали по всему городу приёмщики Чучельномеханического комбината и взамен через некоторое время возвращали за особую плату отличных заводных котов, собачек и морских свинок...

И вот собранные из всех домов, домиков и домищ своего района дети сидели и слушали Инструкцию.

– Дети! – рявкнул голос Инструктора через двадцать усилителей.

Сидевший в задних рядах Малыш вздрогнул, оттого что сигнальная лампочка контрольного аппарата замигала и аппарат погрозил ему пальцем – он на минуту стал невнимательно слушать. Малыш подтолкнул локтем сидевшего рядом Ломтика, и оба, вытаращив глаза, принялись слушать изо всех сил.

– Дети! Вы стыдитесь того, что вы всё ещё дети? – рявкнул Инструктор.

– Стыдимся! – отчаянно запищали по всему залу детские голоса.

– Стыдитесь! Правильно! – продолжал Инструктор. – Что такое дети? Это не взрослые. Взрослые – это настоящие, полностью готовые люди. Значит, дети ещё полулюди, неготовые взрослые. Полуфабрикаты человека. Ясно?

Что же такое детство в наш автоматизированный век? Это своего рода болезнь, от которой надо как можно скорей вылечиться. И мы здесь вас вылечим. Сюда вы пришли детьми. Отсюда уйдёте взрослыми, готовыми, вылеченными. Но сейчас ещё многие из вас заражены постыдными вирусами детства.

Вы все замечены в том, что посещали устарелое, ненаучное зрелище под названием «цирк». Бессмысленно смотрели там живых, неусовершенствованных, нелепых животных и не менее живых клоунов, теперь ради вашего блага полностью запрещённых.

Эти клоуны официально признаны вредными. Как теперь обнаружено, они были носителями и распространителями отвратительной и опасной болезни, имевшей эпидемический характер. Приступы этой болезни начинались с нарушения ритмичности дыхания, перехо-

дящего в короткие, прерывистые вскрики, сопровождаемые произвольным растягиванием рта до ушей, что является постыдным и недопустимым для гражданина автоматизированного города. Эта болезнь, с которой мы ведём борьбу, уже в старину была известна врачам и называлась «смех».

Что есть идеал человека? Автомат! Вы видели, чтоб автомат, выполняющий полезную работу ста человек, хоть раз засмеялся, хихикнул или даже улыбнулся? Никогда! Можем мы приблизиться к автоматическому идеалу? Можем. А кто не захочет приблизиться, того мы сумеем приблизить. А кого не приблизим, того очучелим.

Итак, запомните. Смех, а тем более хохот запрещены, ликвидированы, уничтожены, изъяты и осуждены раз навсегда. Все носители или распространители этой заразы будут беспощадно очучеливаться.

Пункт первый закончен. Включайтесь на запоминание второго.

Вы уже знаете, что в нашем городе отныне запрещены так называемые сказки. Знаете?

– Знаем! – с дружным отчаянием, испуганно запищали детские голоса со всех концов зала.

– Наши учёные по указанию Генерал-Кибернатора установили, что быстрому излечению от болезненного состояния, носящего название «детство», прежде всего мешают сказки. Что такое сказки? Лживые, невероятные истории, основанные на непроверенных или злостно искажённых фактах, – вот что они такое! Чтобы ускоренным темпом стать полноценными взрослыми, вы должны научиться видеть всё в правильном свете. И мы вас научим, а кто не захочет видеть в правильном свете, что с ним будет, вернее, что из него будет? Ну?

Чучело! – вытаращив глаза от страха, запищали дети.

– Правильно! Но я знаю, что вы все хотите как можно скорее стать взрослыми, полезными гражданами. Со старыми сказками всё покончено. Всё, что было напечатано в книжках, будет сожжено. А те сказки, которые ещё застряли у вас в головах, мы хотя бы научим вас правильно понимать. Из сказок даже можно почерпнуть кое-что полезное, если научиться их верно понимать. Выбросить из головы всех слюнявых сироток, приветливых старушек, добреньких дурачков, хитрых мальчиков с пальчик – вся эта чушь выдумана теми, кто хочет подорвать здоровые основы нашего управления! Выбросили? Так!

В старых сказках всё вывернуто наизнанку: чёрное выбелено, белое очернено. Какая фигура возвышается надо всеми глупыми маленькими героями сказок? Конечно, это величественная фигура Бабы-яги! Вот кто достоин подражания и нашего уважения. В отдалённые времена, когда техника находилась ещё в зачаточном состоянии, эта волевая, энергичная владелица крупных лесных массивов уже боролась со своими врагами, передвигаясь по воздуху в так называемой ступе, управляемой помелом, этим прообразом реактивного двигателя. Лживые сказки пытались вас уверить, что эта сильная, а следовательно, и вполне законная повелительница была побеждена какой-то крестьянской девчонкой! Каждый разумный человек понимает, что на самом деле оснащённая передовой техникой Баба-яга несомненно должна была выйти победительницей.

Ещё яснее вредный смысл выступает в сказке, пытающейся опорочить другого положительного героя – Змея Горыныча. Эта замечательная личность, помимо своих высоких лётных качеств, достойна уважения тем, что одна из первых применила огнемётные приспособления. Во имя чего уважаемый Горыныч пускал в ход свои огнемёты и слезоточивый дым? Чтоб усмирить жителей города, пытавшихся уклониться от уплаты установленного законного налога! Форма налога не имеет значения. Ему нравилось кушать жителей? Его законное право, поскольку полное военное превосходство было на его стороне.

На этих примерах вы убедились, что в сказках всё перевернуто. Вся эта болтовня о маленьких человечках, якобы победивших сильных законных управителей, – сплетни бунтовщиков, и только. Понятно?

И тут из зала, переполненного детьми, раздался дрожащий голосок:

– А прекрасная добрая принцесса?

– Какая ещё принцесса? – хмурясь, спросил Инструктор и, направив яркий луч прожектора, осветил маленькую испуганную девочку, которая, трясаясь от страха, привстала с места, чтоб вступить за свою любимую сказку.

– Она была краше всех на свете... Белоснежка...

Луч погас, и Инструктор подбавил громкости в репродукторы.

– Белоснежка? Смысл истории ясен: энергичный принц, опередив конкурентов, удачно вступает в брак с принцессой, обеспечив себе пятьдесят процентов царства, хотя человек всегда должен стремиться к тому, чтобы овладеть контрольным пакетом акций любого предприятия, хотя бы на пятьдесят один процент. Но всё-таки сделка была неплохая. А вот вся болтовня о красоте, доброте – это чушь. Принцесса владела замками, землями, войсками и подвалами с золотом, и поэтому всем она казалась самой красивой на свете. А посадите такую принцессу в автобус, оденьте в обыкновенное платье – и вы не узнаете её среди ста пассажиров автобуса. Может быть, даже кондукторша покажется вам красивее. А принцы, как мы видим, женятся не на кондукторшах, а на принцессах с их пакетами королевских акций. Поняли?

Пункт второй закончен, включайтесь на запоминание третьего. Что это такое?

Инструктор поднёс к проектору, брезгливо держа двумя пальцами, какую-то маленькую фигурку. На выпуклом экране тотчас возникло изображение бодрого длинноносого человечка.

– Буратино! – закричали дети.

– Полено! – гаркнул Инструктор через все усилители, так что дети съёжились, втянув голову в плечи. – Полено, чурбан, обрубок!

Инструктор уложил Буратино на станок, включил круглую пилку. Зажужжал мотор, и в одно мгновение Буратино был распилен очень аккуратно вдоль, так что все увидели две ровные, совершенно одинаковые деревянные половинки.

– Ну, все убедились?

Двумя пальцами Инструктор поднял и показал всем другого забавного человечка. Уныло сгорбившись, он слегка болтал в воздухе длинными руками и виновато улыбался исподлобья. В руке Инструктора у него был жалкий вид. Он был похож на провинившегося щенка, которого держат за шиворот над первой в его жизни лужицей.

– А это что?

Дети молчали, с сочувствием и страхом глядя на отчаянного смельчака, в своё время одолевшего медведя, чёрта и полицейского, а теперь попавшегося в лапы Инструктора. Несколько голосов неуверенно пискнули:

– Петрушка!

Снова зажужжала пила, опилки брызнули маленьким фонтанчиком.

– Ну, что это?

– Опилки! Тряпка!.. Полено!.. Обрубок! – бодро закричали несколько особенно сообразительных ребят, подскакивая на месте, чтоб их заметил Инструктор.

– Поняли? Запомнили? А если это обрубок, опилки и тряпка, может ли нормальный, разумный человек называть обрубок или тряпку Петром, Альбертом, Джеймсом или Анатолем? Ну?

И весь зал вразброд, испуганно и уныло, поспешно загудел:

– Не-ет, не может... Лекция продолжалась.

Глава 5

Конец цирка

Главный силач расстелил большой ковёр, сложил на него все свои чугунные гири, сверху навалил комод, семь чемоданов, кровать и медные кастрюльки, в которых ему кипятили сосиски, все свои нарядные костюмы для выступления на арене (шесть пар трусиков всех цветов), связал уголки ковра узлом и взвалил его себе на спину. Пятеро его ребяташек вскарабкались наверх, и силач, громко вздыхая и хлюпая носом, сторбившись от горя, вышел из дверей цирка и поплёлся под дождём искать себе какого-нибудь прибежища и работы потяжелей, потому что никакой лёгкой работы он не умел делать.

Маленькие танцовщицы разбежались, как мышата, в разные стороны со своими маленькими чемоданчиками, пугливо прижимаясь к стенам. А учёные мыши, которых клоун Коко выпустил на волю, неохотно покинули свои уютные клеточки и, робко вздрагивая и тревожно нюхая холодный уличный воздух, пробрались на задний двор – проситься к своим родичам принять их обратно в неучёное мышиное племя.

Во дворе, освещенном прожекторами, рычали, толкаясь и мешая друг другу в тесноте, громадные грузовики. Подъёмные краны подхватывали и переносили по воздуху заколоченные ящики и контейнеры. Трещали отдираемые доски ящиков, и грузчики таскали и складывали в штабеля длинные коробки с упакованными в них механическими танцовщицами, автоматическими жонглёрами и акробатами. Четыре грузчика, кряхтя и пятясь в дверях, тащили клетку, в которой, бессмысленно выпучив глаза и покачиваясь от толчков, сидели два выключенных льва.

А в самом тёмном углу двора скромно жался к сторонке человек, потиравший тощие руки так, точно на них налипло тесто, которое он силится отлепить и стереть. К нему то и дело подбегал с почтительным поклоном руководивший разгрузкой здоровенный детина в форме служащего Чучельномеханического комбината.

– Всё выгружено в полном порядке, хозяин, только у одной танцовщицы голова треснула, уже привинчивают запасную.

Почётный Ростовщик Республики (это он был хозяином) печально уставился одним глазом в лицо своего служащего. Другой глаз, быстро вращаясь, зорко следил за грузчиками, таскавшими ящики.

– Отлично! – плачущим голосом прохныкал Почётный Ростовщик. – Стоимость головы этой плясушки я вычту с вас, для вашей пользы. Чтоб ваша собственная работала аккуратней... Ага, привезли ящики со слоном? Идите. Следите, чтоб не перепутали номера, чтоб хобот не привинтили при сборке к задней части, как в прошлый раз.

Служащий как ошпаренный кинулся выполнять приказание, а Почётный Ростовщик, убедившись, что разгрузка идёт к концу, вытащил из-за пазухи мешок и своей шмыгающей походкой, вздыхая и потирая руки, поплёлся к двери, сделал знак двум полицейским следовать за собой и неслышно нырнул внутрь здания цирка.

Внимательно прислушиваясь и осматриваясь по сторонам, он прокрался по тёмному коридору мимо опустевших лошадиных стойл, шмыгнул за угол и подкрался к двери, из-под которой выбивалась полоска света. Осторожно взялся за ручку двери, неслышно, потихоньку нажал её и одним рывком распахнул. И, не успев опомниться, с размаху шлёпнулся на пол, безуспешно стараясь сообразить, что это так звонко щёлкнуло его по лысине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.